

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию на соискание
ученой степени доктора юридических наук Баженовой Ольги Ивановны
на тему: «Категория юридического лица в конституционном праве:
обоснование и проблемы применения» по специальности
5.1.2 – публично-правовые (государственно-правовые) науки

Актуальность темы и решаемых в диссертации О.И. Баженовой задач подтверждается конституционно достоверной связью цели раскрытия функционального потенциала категории юридического лица с совершенствованием предпосылок оптимизации участия различных сообществ (коллективов, союзов) в совместном (объединенном) пользовании правами и свободами человека и гражданина, с одной стороны, и конституционно-правового статуса публичных субъектов права, с другой стороны, что будет способствовать решению ряда проблем социально-политической интеграции и организации российского «высоко дифференцированного» общества (с. 3–5 автореферата, с. 4–7 диссертации).

Научная новизна исследования О. И. Баженовой, при наличии значительного количества профильных научных разработок и ранее защищенных диссертаций предметно близкой направленности (с. 9–12 автореферата, с. 13–14, 485–488 диссертации), выражается в заявленном и, в целом, реализованном стремлении к обогащению категориального инструментария юридической науки – в частности, через прояснение значения категории юридического лица, – посредством адаптированной методологии конституционного права и дискурсивного соотнесения комплекса сопутствующих задач с феноменом и практикой конституционализации российского права (с. 4–5, 12–13, 24–25, 30 автореферата, с. 6–7, 14–15, 28–44, 55–75 диссертации).

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, представленных в диссертационной работе О. И. Баженовой, подтверждается, в том числе:

а) юридико-доктринальным, компаративистским и междисциплинарным анализом тематически связанного комплекса источников (с. 7, 10–11 автореферата; с. 8, 11–13, 431–438 диссертации);

б) обширной исходной нормативной и информационно-эмпирической основой – совокупностью отображенных в использованных источниках правовых конструкций, доктринальных обоснований и научных идей, раскрывающих сущность категории юридического лица и позволяющих прояснить ее конституционно-правовое значение (с. 103–129 диссертации);

в) комплексной методологической основой, образующей систему общенаучных, специально-юридических подходов и приемов, включая ресурс доктринально-юридической генеалогии исследуемых категорий, а также методов смежных социальных и гуманитарных наук, при последовательной отсылке к принципам и техникам конституционной интерпретации (с. 8–9 автореферата; 10–11 диссертации);

г) апробированием выносимых на защиту научных положений, выводов и рекомендаций, проведенным с учетом нормативно определенных требований (с. 23–24, 59–62 автореферата; с. 24–25 диссертации)

Тем самым диссертация О. И. Баженовой является комплексным и междисциплинарным, выполненным на основе конституционно взвешенной методологии, решением **научной задачи** концептуально-теоретического осмысления сущности научной категории юридического лица, как уточняющим возможности практического использования потенциала этой категории для содействия цели организационно-функциональной интеграции российского общества на основе объединенных (коллективных) форм деятельного участия свободных и морально ответственных граждан. При этом содержание диссертации позволяет говорить о **личном вкладе** соискателя в развитие публично-правовой науки.

Для подтверждения вышесказанного можно сослаться на следующие положения и элементы диссертационного исследования О. И. Баженовой:

1. Методологически убедительным видится концептуальное обогащение автором диссертации технико-категориального инструментария юридической науки применительно к понятию юридического лица, включая в целом корректную дескрипцию процесса правовой институционализации объединений в качестве реальной коллективной формы правопользования в Российской Федерации, и комплексную авторскую дифференциацию (с. 12–13 автореферата; с. 15, 129–175 диссертации);

2. Заслуживает поддержки релевантное наполнение предложенной диссертантом конституционно-правовой трактовки сущности юридического лица, содержательно соотнесенное с концептами внешней и внутренней гармонизации коллективных практик правопользования в аспекте предоставления его субъектам доступа к декларируемым в качестве целей существования соответствующей группы (общности) благам, обеспечения социальной интеграции с учетом правовой значимости первичного субъекта правовой коммуникации и его интересов, а также плюрализма коллективных устремлений (с. 4, 13–14, 33–35 автореферата; с. 19, 103–129 диссертации);

3. Следует согласиться с высказанными доводами автора об актуальности надлежащих правовых гарантий реализации деятельной свободы личности, в ряду прочих конституционных ценностей, которые подтверждают конституционное значение категорий юридического лица и субъекта права, как средств, институционально соотнесенных с этими идеалами и ценностями (с. 14 автореферата; с. 15–16, 350–353 диссертации);

4. Может представлять интерес для последующих конституционно-доктринальных разработок и практико-ориентированных предложений выработанная диссертантом классификация форм (стадий) деятельного воплощения коллективных интенций, характеризующая особенности перехода от «социальной группы к социальной субъектности», включая

спецификацию категории юридического лица с «промежуточной формой организации» (с. 15–16, 37–39 автореферата; с. 227–231 диссертации);

5. Мы разделяем уверенность диссертанта в том, что в эпистемологическом контексте отечественная юридическая наука способна внести значимый вклад в представление о государстве, опираясь на понятия конституции и юридического лица (с тем уточнением, что их нельзя трактовать как равнозначные). Критикуемая в работе научная идея признания народа юридическим лицом публичного права (с. 46–48; с. 264–265 диссертации) действительно обременена идеологическими коннотациями и, скорее деструктивна в актуально-конституционном аспекте, в том числе при осуществлении народом конституционно-учредительной власти.

6. Заслуживают положительной оценки предпринятые диссертантом усилия по решению научной проблемы коллективных прав человека. Итоговый вывод, что юридическое лицо есть оптимальная правовая форма обеспечения таких прав, полагаем, выглядит серьезным аргументом в пользу признания реальности и конституционной ценности «коллективных идентичностей» (с. 17–18, 40–41 автореферата; с. 190–202 диссертации).

7. Детальным и не лишенным оригинальных оценок видится нам представленный в диссертации анализ современных отечественных и зарубежных теорий государственности, предпосланный вопросу о границах применения категории юридического лица (с. 19–20 автореферата; с. 275–287 диссертации). Заслуживает научного внимания обобщающее авторское положение о продуктивности восприятия конституированного государства как не предполагающего олицетворения юридического лица, воплощающего результат сложной коммуникации, основанной на демократических принципах общенародной организации.

8. Не останется без внимания специалистов и та часть диссертационного исследования, в которой категория юридического лица заявлена конституционно-правовой гарантией субъектности местного (муниципального) сообщества; включая открыто полемические оценки

новелл Конституции РФ (ч. 1.1, ст. 131) в их компаративистском выражении (с. 20–21, 52–53 автореферата; 352–357 диссертации).

8. Свообразием терминологии и комплексным, конституционно-взвешенным подходом характеризуется отображение в диссертации фактического положения общественных объединений, наделяемых публичными функциями, позволяющее говорить о перспективах конституционной модернизации и предлагать варианты решения существующих проблем (с. 22, 56–57 автореферата; 390–405 диссертации).

В диссертационном исследовании можно выделить и другие элементы, отмеченные признаками научной новизны и имеющие значение для последующих предметно близких разработок, законотворческой и правоприменительной практики.

Результаты диссертационного исследования апробированы в форматах обсуждений на кафедре конституционного и муниципального права юридического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», докладов на международных и всероссийских научно-практических конференциях; отражены в пяти монографиях и двадцати научных статьях автора, опубликованных в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ, и в автореферате, который соответствует основному содержанию диссертации.

Вместе с тем, в диссертации О. И. Баженовой усматриваются отдельные методологические недоработки, а также дискуссионные положения, нуждающиеся в дополнительной аргументации в ходе публичной защиты. В частности:

1. Научно-методологическая позиция О. И. Баженовой характеризуется, на наш взгляд, отчасти эклектичным сочетанием тяготения к концепту конституционного правопонимания с приверженностью более свойственному юридическому позитивизму отождествлению права с «приоритетными» доктринальными конструктами. Результатом чего становится не вполне

корректная уверенность автора в том, что именно использование «правовой категории юридического лица» позволяет создать «реальные правовые условия (предпосылки) для решения проблем», которые, будучи определены как «отдельные», по сути, всеобъемлющим образом характеризуют и собственно юридические, и деонтологические проблемы реального конституционализма (с. 3–4 автореферата, с. 4–5 диссертации).

Полагаем, что в рамках публичной защиты диссертант могла бы тезисно конкретизировать анонсированный в работе переход от категории юридического лица к идее свободной и морально ответственной за глобальные состояния личности, основанный не только на отвлеченно-спекулятивных убеждениях отдельных авторов (с. 82–100 диссертации) и бланкетной отсылке к историко-философской ретроспективе (в § 1.1 диссертации), но и на экспликации номинальных и легитимно интерпретированных положений Конституции РФ.

2. Еще одним следствием тяготения О. И. Баженовой к доктринальному позитивизму становится преимущественно когнитивная трактовка конституционализации права (с. 28–30 автореферата; 28–44 и др. диссертации). Концептуально это проявляется, в частности, в суждениях о правосубъектности и субъекте права как правовой проекции, отчужденном образе участника социальной интеракции, решающим моментом конституционно-полноценного самоопределения для которого становится акт государственного признания (с. 31–32 автореферата; с. 75–103 диссертации).

С нашей точки зрения, такое восприятие входит в противоречие с конституционным фактом неотчуждаемых и непосредственно действующих прав и свобод человека – как безоговорочно легитимной предпосылке конституционного правопользования (индивидуального или коллективного). Полагаем, в ходе публичной защиты диссертанту следует пояснить, какую содержательную нагрузку, выходящую за смысл этого факта, несет в ситуации реального конституционализма правосубъектность как «юридико-

догматический эквивалент субъекта права». В чем состоит *практическая* значимость такого «эквивалента» для человека и для юридического лица? Не предполагают ли положения статей 2, 17, 18 Конституции РФ доктринальный «перенос» соответствующих понятий на уровень «вторичных» научно-отраслевых конкретизаций?

3. Раскрывая связь предмета и задач исследования с проблематикой конституционализации, диссертант называет условием последней «преодоление дуализма и взаимное согласование фундаментальных юридико-догматических и конституционно-правовых понятий на почве общей цели формирования правовых начал общественного устройства» и «на началах методологического плюрализма» (с. 13 автореферата; с. 14 диссертации).

На наш взгляд, это не вполне верная трактовка. Здесь следует говорить не об условии, а об одной из задач конституционализации, учитывая, что порождающие практические трудности открытое многообразие смыслов «фундаментальных юридико-догматических понятий» как раз и «купируется», отчасти, в ходе конституционализации права. При этом получают актуальное уточнение или «выбраковываются» те доктринальные понятия, которые не соответствуют идее национальной Конституции и конституционному правопониманию. Сходным образом нуждаются в корректировке предложенные диссертантом характеристики задач науки конституционного права в аспекте ее «сближения с юриспруденцией» (с. 28–29 автореферата; 74–75 диссертации).

В качестве «крайнего» – и неприемлемого для нас – примера доктринально-ангажированного «подчинения» укажем на предложение диссертанта определить статус Конституционного Суда РФ как осуществляющего публичные функции юридического лица в форме независимого агентства (с. 20, 50 автореферата; с. 315 диссертации). Мы вынуждены оставить его без развернутых комментариев, учитывая степень редукции конституционно-правового статуса высшего органа российской

конституционной юстиции и единственного легитимного субъекта конституционализации. С позиций конституционного правопонимания подобная редукция не может претендовать на квалифицированное теоретическое высказывание.

4. Не вполне обоснованным остается для нас и артикулируемое в диссертации «требование» конституционно-правового признания и защиты конституционно-правовой категории «субъект права», как «единственной и достаточной формы, юридически обеспечивающей способность к свободному (разумному) действию» (с. 14–15 автореферата; с. 89–90, 95–96 диссертации).

По нашему мнению, понятие субъекта права, восходящее к истокам (римские юристы) западной традиции права, в научном и/или практическом «признании и защите», на наш взгляд, не нуждается, поскольку используется во всех доктринах и версиях (типах) правового регулирования, в том числе, мыслимых с позиций конституционного правопонимания. При этом, однако, именно в последнем концепте особое значение получают такие номинации субъектности как человек, личность, решающим образом «открывающие» перспективу и предполагающие конституционное обеспечение возможностей свободного пользования конкретизированным базовыми полномочиями, в том числе в добровольно-совместных формах. Тогда как в суждениях диссертанта (возможно и вопреки ее намерениям), проступают признаки не доктринального дополнения («развития»), но едва ли не оппозиции смыслу положения ст. 2 Конституции РФ. Разве увлеченно спорящие о правовых понятиях и формах доктрины, а не Конституция РФ общеобязательным образом исключает возможность умаления правовой свободы и достоинства каждого человека, включая детей, умалишенных и даже умерших? Почему для этого требуется научное и практическое – в дополнение к существующему – признание категории субъективных прав? Хотелось бы, чтобы диссертантом были даны разъяснения по поводу этих сомнений.

5. К издержкам методологической амбивалентности следует, как нам представляется, отнести также доводы диссертанта о конституционно-правовом значении правосубъектности.

Определения данного свойства и элемента конституционно-правового статуса личности как формы субъекта права и «направленного к правопорядку» требования признания, по нашему мнению, нельзя признать обоснованными. Доктринальное (в том числе, естественно-правовое) понятие правосубъектности выработано в доконституционный период, и в ситуации реального конституционализма во многом утрачивает свое значение. Конституционная дедукция, например, не позволяет согласиться с тезисом, что публично-властное, государственное признание правоспособности за коллективами, «создает гарантии необоснованному государственному вмешательству в вопросы их организации и деятельности» (с. 15, 34–35 автореферата, с. 101–102 диссертации). Даже уточнение того, что условия признания не могут быть произвольными, перестает быть внутренне противоречивым, только если мы оперируем критерием *конституционности*, которого автор диссертации по непонятным для нас причинам «принципиально» избегает. Между тем как конституционные принципы и требования к признанию формы юридического лица за субъектами права достаточно диверсифицированы, и одного указания на принцип равенства в плане обеспечения «способности к волеобразованию и волеизъявлению» (с. 15 автореферата; 102 диссертации) здесь явно недостаточно. Потому, в том числе, что цели и следствия коллективного волеизъявления нельзя идеализировать: они вполне могут оказаться и сущностно неконституционными (противоправными).

Казево же «сопутствующей» идеи закрепить в ст. 6 Конституции РФ «гарантии правоспособности организаций (социальных субъектов)» (с. 103 диссертации) заметим, что, во-первых, предложения такого уровня необходимо облекать в законченные (и отредактированные) формулировки;

во-вторых, по своей сути подобная новелла в конституционном тексте оказалась бы «доктринально окрашенным» плеоназмом.

6. Авторская классификация «коллективных субъектов в конституционном праве» (с. 16–17 автореферата; с 18, 250–251 диссертации) многоаспектна, но не всегда корректно, по нашему мнению, воспроизводит следование намеченным критериям. Например, в предлагаемой версии телеологического критерия придется признать, что цели организаций частного права и органов таких организаций всегда различаются, что вряд ли соответствует действительности, но, скорее, характеризует ситуацию внутриорганизационного конфликта (коллизии), причем – конституционно значимого. Равным образом конституционно несостоятельной будет презумпция различия целей членства в политической партии, с одной стороны, и ее руководящих органов, с другой стороны.

Приходится заметить также, что обозначенная классификация в тексте автореферата и диссертации заметно различаются. При этом слабо отраженной остается статусная спецификация публично-правовых компаний.

Методологически высоко проблематичной видится нам и предлагаемая в диссертации разработка перечня прав и обязанностей юридических лиц (с. 19 автореферата). Что же до предпосылок развития корпоративного конституционного права, – то оно, по нашему мнению, уже формируется в контексте конституционализации, в версии института конституционного корпоративного права.

7. Опираясь на фрагментарную характеристику российской правовой системы, диссертант обосновывает «неспособность гражданского законодательства обеспечить *полное и непротиворечивое* (выделено нами – В.К.) регулирование статуса общественных объединений», создаваемых с целями, очевидно выходящими за рамки предмета гражданско-правового регулирования в частноправовом (двивилистическом) смысле. При этом подчеркивается, что общественные объединения могут быть различны «по своей природе».

Нам представляется, что первое положение в особой доктринальной аргументации не нуждается и подразумевает недостижимое; тогда как второе, напротив, требует конституционно-онтологических уточнений. Диссертант, например, обращает внимание, что приобретающие статус юридических лиц органы общественных движений – как вполне «заслуживающих» конституционного статуса субъектов права и признаваемых таковыми – создаются, прежде всего, для целей организационно-координационного характера, и, к сожалению, могут страдать бюрократическими девиациями. Из чего, собственно, делается вывод о «чрезмерной юридической формализации общественных движений без действительной тому необходимости» (с. 413–414 диссертации).

Сходным образом (в виду редуцирования принципа добровольности) в диссертации критикуется наделение статусом юридического лица органов общественной самодеятельности, иных неформальных объединений, а также самих объединений (общностей), создаваемых по территориальному, этническому, этнокультурному, кровнородственному и др. признакам. Сводить многообразие намеченных таким образом проблем к следствиям «неосновательных притязаний цивилистики» (с. 420 диссертации), – не самое убедительное решение. На наш взгляд, понимание сущности юридического лица как особого конституционного – юридико-технического – средства обеспечения широкого круга целей публично-частного правопорядка, намечает более продуктивный путь диверсификации и классификации обозначенных проблем и их решения.

8. Очевидно уязвимыми для критики со стороны представителей профильных отраслевых юридических наук, представляются нам аргументы и вывод диссертанта о необходимости разработки единого федерального закона об общественных объединениях, «посвященного их правовому статусу на конституционно-правовой почве» (с. 409–411, 423–424 диссертации). Риторический посыл приведенной формулировки, на наш взгляд, критично размыкает ее научно-правовое значение:

во-первых, многоуровневую научную дифференциацию правовых статусов никто «не отменял»;

во-вторых, самим диссертантом показано разнообразие сфер и направлений деятельности общественных объединений, объективно подпадающих под отраслевое и институциональное правовое регулирование, что неизбежно предопределяет либо номинально-декларативное значение вновь предложенного закона, либо потребует глубокой институциональной переработки системы российского законодательства, что вряд ли оправдано;

в-третьих, и это главное, правовой статус не исчерпывается законодательными конкретизациями, а цель «конституционно-правового обеспечения субъектности общественных объединений» вполне достигается в рамках конституционализации их правовых статусов (включая формы, сочетающие коммерческие и некоммерческие интересы и цели), которая, никогда не исчерпывается отраслевым уровнем и, как нам представляется, основные существующие здесь противоречия уже разрешила.

Высказанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования в целом, носят, преимущественно, концептуально-дискуссионный характер и могут получить необходимое прояснение в рамках публичной защиты.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.1.2 – публично-правовые (государственно-правовые) науки, а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Таким образом соискатель **Баженова Ольга Ивановна** заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.2 – публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Официальный оппонент:

доктор юридических наук,
заведующий кафедрой теории права
юридического факультета

ФГБОУ ВО «Тверской государственный уни

Крусс Владимир Иванович

 15 мая 2023 года

Контактные данные:

Тел.: 89040115932, e-mail: t-prava@yandex.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена
диссертация: 12.00.02 – Конституционное право; муниципальное право

Адрес места работы:

170002, Тверская область, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22,

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»,

юридический факультет

Тел.: 8(4822) 529422; e-mail: law@tversu.ru